

ЛАТВИЙСКАЯ ВЕТВЬ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

ЮРИЙ АБЫЗОВ

Первая Мировая война породила объект нашего рассмотрения. Вторая — закрыла за ним скобку. Завершенность эта дает возможность ясно видеть закономерность исследуемого процесса, воспринимаемого, так сказать, *invitro*, тогда как во многих других странах процесс был длительнее и менее четким.

Сейчас видно, что проблема не носит отвлеченно-академического характера, а весьма злободневна, поскольку вновь возникают прямые аналогии там, где дело касается бытования русского меньшинства в Балтии.

Традиционно, в течение десятилетий, русская эмиграция означала антисоветское, антибольшевистское образование, оппозиционное Красному — Белое. Все, что не Красное, то только Белое. Других цветов и оттенков как будто и не было. Между тем, вне пределов советской России существовала другая палитра.

Так, приват-доцент В. Преображенский давал следующую развернутую метафору: «Несмотря на все разнообразие условий, в которых ныне живут русские люди, можно установить 3 основных типа «Руси», тройное проявление национального бытия. Это — 1) Русь эмигрантская, зарубежная, «в рассеянии суцая», белая. 2) Русь меньшинственная, приграничная, от Балтийского моря до Черного протянувшаяся, синяя, так сказать, и, наконец, 3) Русь подъяремная, советская, кровью своею залитая, красная».¹

Значит, за пределами советской России было уже не одно, а два состояния русских.

С эмиграцией ясно: это те, кто на кораблях отплывали из Новороссийска и Крыма и потом вели горестную жизнь в Европе, те, кто покинул родную землю. Но ведь за

пределами Отчизны были и те, кто не трогался с места и тем не менее оказался чужеземцем, как жители западной части бывших Витебской и Псковской губерний, которых новая граница обратила в население Латвии.

А были еще люди, которые в 1915 году бежали от войны, оставляя дома и угодья, и потом, когда выстрелы стихли, стали возвращаться, — «беженцы». Они тоже не покидали родных домов, а лишь временно оставляли их.

Эмигрантами были те, кто уходил с остатками Северо-западной армии, откатывавшимися из-под Петрограда в Эстонию, и те, кто всеми правдами-неправдами, старались доказать, что они причастны к новому государству. Разумеется, для многих это было лишь спасительной уловкой, на самом же деле люди откровенно бежали из голодного Петрограда или многострадального Пскова. А не было спасительных документов — на свой страх и риск перебирались через кордон. Литература, описывающая эти рискованные предприятия, достаточно обильна² и все еще пополняется.³

В общей сложности в начале 20-х годов численность русского населения в Латвии была близка к 200.000 человек. Примерно столько же было русских в Берлине и столько же в Париже.

Но в Париже было, по выражению З. Шаховской, «гетто зарубежной России»⁴, в то время как в Латвии был даже не анклав, а «национальное меньшинство» (около 12% всего населения).

Состав этого русского населения был весьма разнороден. Были группы «старожильческие», за которыми насчитывалось свыше 200 лет пребывания (так, нагледен персонаж Леонида Зурова «Что мне рассказывал столетний дед»)⁵, были служащие прежних губернских учреждений, бывшие промышленники и финансисты, были Генерального штаба полковники, были петербургские журналисты и юристы, были высокообразованные профессора и потомственные неграмотные крестьяне.

Говорить про всех — местное русское население — неправомечно, так как многие были вовсе не «местные», а говорить про всех, что это «эмигранты» тоже неверно, так как многие, даже бежавшие от большевиков, эмигрантами себя не считали. И поэтому довольно затруднительно назвать точное число «эмигрантов». «Эмигрант» и «ино-

странец» порой выглядели довольно условными понятиями, так что их можно было вышучивать: «Третьего дня прибыли с целью ознакомиться с рижским шtrandом три иностранца: имеющий постоянное жительство в Риге по Католической улице N 46 нансенист Голоштанников, мещанин из города Шавель в Литве Янкель Хват и бывший белорусс — ныне польский подданный Антон Жмых из Гривы». ⁶

Латвийское подданство могли сравнительно легко получить те, кто родился в нынешних границах республики до 1914 или до 1881 года, или кто являлся потомком лиц, проживавших здесь, или сам прожил 5 лет уже после 1919 года. Так что статус «эмигранта» многие сравнительно быстро меняли на статус «подданного», поэтому довольно трудно назвать точное количество эмигрантов.

По данным переписи 1935 года 226.758 русских уже были латвийскими подданными, 3.953 — нансенистами (т. е. собственно эмигрантами) и 2.532 — иностранными подданными ⁷ (т. е. уже обзавелись ранее румынскими, польскими и литовскими паспортами во время беженских скитаний) или сохранили советский паспорт (были и такие).

Конечно, для советской власти все они в массе своей были чуждым, даже враждебным образованием, в равной мере «эмигрантами», каждый подпадал под графу советской анкеты «Проживал ли за границей», каждого в 1940 году можно было заталкивать в товарный вагон, как тех, кто бежал от советской власти, так и тех, кто под нею не жил и ей не присягал.

Вот так виделось местное русское население советскому функционеру: «<...> в Латвии демократического — в настоящем смысле слова — русского населения не было прежде и почти нет теперь. Вся местная русская общественность «потомственна» реакционному чиновничеству царского времени, притом уплотнена спекулятивными элементами военной и революционной эпохи». ⁸ И эта оценка и содержащаяся в ней потенциальная угроза сохранялась 20 лет.

И тем не менее, «местные» были раздираемы — и противоречивыми чувствами, и своеобразным поведением. С одной стороны, они были избавлены от ревкомов, ЧК, раскулачивания, не видели поругания веры и, как писал А. П. Ливен, «оторванные от своей псковской родины, они

оказались под защитой законов молодой Латвии и эти законы дали этому русскому краю возможность сохранить и развить у себя и в себе культуру, которая поправа у их земляков, оставшихся в пределах СССР».⁹

С другой стороны, население это рассматривало оторванность от России как нечто противоестественное.

Учитель И. Д. Фридрих, долгие годы записывавший фольклор тех мест, где он работал, собрал такие вот «приграничные частушки»:

Сторона моя, сторонка,
Сторона родимая.
Посмотрю в свою сторонку,
Заболит ретивое.

Хотят мне запретить
В Совет гулять ходить.
Тады запрет дадут,
Кады с револьвера убьют.

Поставили границу
По Лжу большу реку.
Моя душа за границей
Я туды перебегу.¹⁰

Разделение, расслоение, размежевание было бедой для местного русского населения. Но именно оно помогает исследователю разобраться в предмете исследования более глубоко.

* * *

Итак, эмиграция — то, что отделено и от покинутой страны и от коренного населения страны нового обитания. Чем отличать один эмигрантский анклав от другого? Где больше военных или писателей?

В Латвии бывших военных было куда меньше, чем в Югославии, профессуры меньше, чем в Чехословакии, писателей парижского масштаба и вовсе не было.

Отсутствовало очень многое, но зато имелось то, чего нигде больше не было. Имелась «парадоксальность балтийской эмиграции».

Нормальная, так сказать, эмиграция, как уже говорилось, означает принудительное перемещение в чуждую среду с необходимостью приспособливаться и смиряться с утратой.

Но ведь здесь, в Латвии:

1) многие не трогались с места и тем не менее становились эмигрантами;

2) только что были представителями заглавной нации, «большинством» с комплексом величия — и вдруг становились втиснутыми в рамки «национального меньшинства» с комплексом неполноценности;

3) быстро утрачивались четкие сословные и классовые деления, отчетливые страты, и наблюдалось приравнивание тех, кто входил в 20.000 рижских русских, к 200.000 полуграмотных русских мужиков на востоке республики. Бывший генерал входил в образ российского пахаря. И подтверждением тому является такая газетная зарисовка.

«Бог в помощь, генерал!

Моросит дождь, слизит глинистую пашню.

Вразвальцу, с растрепанной ветром гривой, идет бороздой лошаденка.

Пахарь в облипших землею латгальских «поршнях», в русской военной шинели, в фуражке с артиллерийским околышем. Сосредоточенное выражение, окладистая, скобелевская борода. . .

«Бог, в помощь, генерал!»

Привычной рукой натягиваются вожжи. В позе отдыхающего пахаря опирается на железо плуга, вытирая рукавом потный лоб.

«Трудно работать, — говорит генерал, — размякла земля. . . Настоящая моя задача: «обложить» под яровые вот всю эту площадь».

Характерный жест, точно указывающий атакуемую неприятельскую позицию и в голосе нотка былых диспозиций — сбить противника, расширить плацдарм». ¹¹

4) Россия была под самым боком, но это была не мать, а злая мачеха.

Для балтийских «рандштатов» (зарубежный термин 20-х годов, в СССР больше слышалось «лимитрофы») было характерно нечто специфическое, что я назвал бы «стопкадром». Поскольку не трогалось с места основное население русской Латгалии и Московского форштадта Риги, — пространство как бы оставалось неизменным, а вместе с этим как бы застывало и время. Сохранялась видимость бытования прежней России. Во Францию Россию можно было унести только в памяти, здесь сохранялась видимость

бытования прежней России. «Когда я ездил по этим странам в медленно ползущих поездах, в знакомых русских вагонах, когда сидел за чайным столом, за самоваром, а в большой — по-русски сложенной печке уютно потрескивали дрова, — я ощущал себя не «там, где была Россия», а просто в Р о с с и и . . .

<...> Для нас, эмигрантов, покинувших Россию десять лет тому назад, уклад жизни в Эстонии и Латвии, пожалуй, теперь даже ближе, чем в подлинной России, где именно в области быта произошли огромные перемены.

«Уклад жизни», «быт» — понятия весьма неопределенные, но это как раз главное, что дает ощущение «своего» или «чужого». И вот в Эстонии и Латвии я это «свое» ощущал в гораздо большей степени, чем «чужое» . . .

Изголодавшийся за время долгого изгнания по всему «своему», родному, я наслаждался всякими родными мелочами, на которые прежде не обращал внимания . . .

Больше же всего способствуют ощущению родины в этих чужих государствах их граждане, принадлежащие к русскому национальному меньшинству. . . Живут они там же, где жили в прежней России, учителя остались учителями, врачи — врачами, некоторые помещики, лишившись большей части своих владений, все же продолжают жить и хозяйничать на своей земле, о русских крестьянах и говорить нечего — у них все по-старому. Все эти люди, лояльные граждане молодых государств, естественно, чувствуют себя дома, на родине».¹²

В эмигрантском Париже Россия всплывала в расплывчатом ореоле, от которого реальные черты смещались, что и давало Дон-Аминадо возможность писать о ностальгических «живых картинах» так:

Потом появились бояре в кафтанах,
И хор их про Стеньку пропел и утешил,
И это звучало тем более странно,
Что именно Стенька бояр-то и вешал. . .

В русской среде Латвии какое-то время наблюдалась неизбежность быта и вкусов. Не случайно в расчете на эту инерцию покоя журнальные гешефтмахеры и запускали в производство издания как бы прежних лет или хотя бы как в о з о б н о в л я е м ы е : «Новая Ниша», «Наш огонек», «Аргус», «Синий журнал». И уж если «Новое время», выходявшее в Югославии, никак не было продолжением прежнего «Нового времени», пусть газету

и возобновил Суворин-юниор, то рижские суррогатные издания говорили только о подспудном желании окунуться в прошлое.

Было ли это характерно для всего состава местных русских?

Разумеется, нет. Были люди «провинциальных» вкусов, державшиеся за «Наш огонек», и недавние петербуржцы и киевляне старались идти в ногу со временем, ориентируясь на русский Париж. Столица русского края, Двинск, отставала от бега времени, что видно хотя бы по духу и вкусам местной «элиты». Учитель, издатель газеты и поэт Арсений Формакон жил еще «по Северянину», тогда как Рига уже считала Северянина анахронизмом. И сопрягая себя с современностью, редактор рижской газеты «Сегодня» М. С. Мильруд выговаривал корреспонденту в Румынии В. Благову, что кишиневцы явно погрязли в провинциализме и в прошлом, не видя, что Северянин — отыгранная карта. «Наезжие», как правило, обладали более высоким образовательным цензом и связями в эмигрантских кругах других стран, и это, естественно, обособляло их. Разделение было заметно в самых разных областях.

Долгое время существовало два национальных союза, деление студенчества, деление учительства, деление газетчиков на «истинно русских» и «еврейских», только пользующихся русским языком. Высоколовая Рига и полуграмотная Латгалия невольно противостояли друг другу. Латгалия вообще огорчала учительство и газетчиков своей необразованностью, сепаратизмом, упрямством старообрядцев. И именно в силу постоянной разобщенности русское население никогда не могло сколотить единого списка, и больше 5 депутатов в Сейме от русских никогда не было.

Разделение единого русского состава началось даже раньше процесса эмиграции. С окончанием немецкой оккупации местное русское население ощутило себя отчужденным от России: «<... > если там, в центре, русские люди должны прежде всего восстанавливать свою государственность, основу всякого культурного строительства, то здесь, на окраине, где волна большевизма не успела еще разрушить основные элементы государства, где мы численно в меньшинстве, на первую очередь выдвигается для нас достижение условий свободного развития нашей культуры, свободного состязания и сотрудничества

на всех попрощах с другими народностями, населяющими родной и нам край». ¹³

Но о свободном развитии на полгода пришлось забыть, потому что «волна большевизма» докатилась и сюда, принося власть Стучки и Данишевского, продержавшуюся до конца мая 1919 года.

Объединение русских в Латвии восходит еще к заключительному этапу существования Российского государства: 9 апреля 1917 г. в Риге был создан Национально-демократический союз русских граждан, возглавляемый присяжным поверенным А. С. Бочаговым. Пройдя период митингов и деклараций, пережив приход в Ригу немцев, а потом большевиков, союз возобновил свою деятельность в июне 1919 г. Он объединял все существовавшие тогда русские организации, от религиозных до спортивных. Первое время Союз занимался улаживанием местных проблем, вызванных оккупацией и большевистским правлением. Но «красный террор в России вызвал эмиграцию в Латвию, как страну смежную, притом такую, на которую русский человек не имел основания смотреть иначе, как на родную. Пришлось озаботиться помощью эмигрантам... Тогда при Национально-демократическом союзе образовался Особый комитет по делам русских эмигрантов». ¹⁴ Во главе его стояли К. Г. Гудим-Левкович и М. П. Спиридонов.

Летом, с притоком беженцев из Пскова, в Ригу прибыл В. А. Пресняков. Было решено назначить его консулом еще длившего свои дни Северо-Западного правительства. Пользуясь своими прерогативами и располагая средствами, Пресняков создал «Русское общество в Латвии», которым вместе с ним управляли Ф. С. Павлов (известный старообрядческий деятель) и бывший депутат Государственной Думы князь С. П. Мансырев.

С этого момента начинается длительное противоборство в стане русского меньшинства. Причина раздора заключалась в том, кого считать русским, как относиться к России и как действовать в Латвии.

«Сложность положения русских, по сравнению с другими народностями, вытекает из того, что благодаря племенной пестроте бывшей России и обобщению всех племен русским образованием, русскою культурою, — под понятие «русский» вне пределов России подходят и евреи, и латыши, и эстонцы, и литовцы, и многие другие, если они воспитаны в русском духе. Поэтому, когда речь идет

об объединении на основах просвещения, искусства, благотворительности или развлечения, тогда не приходится делиться по национальностям или вероисповеданиям».¹⁵

Но помимо «искусства и развлечения» существовала еще политика, делящая россиян на «своих» и «чужих». И оба Союза стали оспаривать друг у друга право представлять «русскость», усматривали друг у друга «засоренность» рядов евреями или, наоборот, приверженность к черносотенству. В конце концов «Русское общество в Латвии» постепенно сошло на нет и самоликвидировалось. Утвердился лишь Национальный союз, имевший опору в традиционных, еще дореволюционных обществах и организациях.

В Национальный союз не входило Общество русских эмигрантов, поскольку ни коллективно, ни индивидуально не имело права гражданства. Организационную форму оно получило лишь в 1925 году (предс. Д. Д. Григорьев). Основной вид деятельности — взаимопомощь, сбор средств для наиболее нуждающихся. По сути дела общество еле теплилось. Вся активная жизнь русских протекала помимо него, и в 30-х годах оно уже не было заметно.

Чтобы иметь представление о том, кто числился в «коренных» русских и кто в «наезжих» — «эмигрантах», приведем два списка персоналий. Кратких упоминаний, за которыми стоят события, годы и судьбы, думается, достаточно, чтобы читатель сам сделал развертку этих точечных сведений и превратил их в фоновый материал.

Укорененные

Антипов Никол. Ильич (1894—1942). Родился в Риге. Окончил юридический фак-т. Основатель корпорации «Рутения». Член многочисленных русских обществ и организаций. В 1941 г. был арестован и погиб в лагере.

Антонов Серг. Ник. (1884—1956). Род. в Риге. Архитектор (проектировал здание газ. «Сегодня»), театр. художник. Преподав. Латв. ун-та.

Бордонос Никол. Ник. (1865—1945). В свое время управлял Митавским отд. Крестьянского банка. Учредитель Русского нац. объединения и Русского нац. союза. Депутат Сейма. Редакт. газ. «Маяк». Учитель.

Бочагов Александр Сем. Присяж. повер. Учредитель Русского нац.-дем. союза.

Брамс Яков Иос. (1898—1981). Род. в Либаве. В 1919 г. основал газ. «Сегодня». В 1939 покинул Латвию. Жил и ум. в Америке.

Витвицкая Божена Иос. (?—1923). Актриса. Театр. критик (псевд. «Бинокль»). Вернулась в Ригу в 1920 г. Сотр. в газ. «Рижский курьер».

Гейнеке Густав Траугуттович (1863—1933). Прис. повер. Предс. III риж. о-ва взаимного кредита. Отец Ирины Одоевцевой.

Евланов Бор. Викт. (1890—1943). Род. в Риге. Оконч. Петерб. ун-т. В войну уполномоченный гл. комитета Всеросс. земского союза. В 1917 г. пом. комиссара Временного пр-ва при Верховном главнокоманд. Вывозил имущество Земского союза из Одессы. Эвакуировался с Врангелем. В Латвии занимался земскими проблемами и кооперац. Ред. газ. «Новь» (1925). В 1940 арестован и погиб в Саратов. тюрьме.

Заволоко Ив. Никиф. (1897—1984). Род. в Режице. После оконч. Карлова ун-та в Праге — канд. права. Секретарь газ. «Слово». Старообрядч. культурн. деятель. Ред. журн. «Родная старина». Учитель. В 1941 г. арестован и отправлен в лагерь. Вернулся без ноги. Был известен в академ. кругах как знаток рукописной книги. Нашел список «Жития протопопа Аввакума» с его маргиналиями и подарил Пушкинскому Дому.

Задонский Андр. Вас. (1897—1941). Род. в Гольдингене (ныне Кулдига). Отец украинец, учивш. в Риж. политехн. ин-те, автор гимна корпорации «Фратернитас Арктика», мать — курлянд. немка по фамилии Бюргер. Детство провел в имении отца на Воляни. Оконч. гимназию в Житомире. Прозаик. Сотр. в газ. «Сегодня». Сохранили значение его очерки об уходящей немецкой Курляндии. В 1939 г. покинул Латвию. Ум. в г. Врешен (Вартеланд).

Иоанн, архиепископ (1876—1934). Православный архиепископ, по нац. латыш. Выпускник Киевской дух. акад. Ректор Литовск. семинарии. С 1912 г. занимал ряд кафедр, вплоть до архиеп. в Пензе. С 1921 г. глава Латвийск. правосл. церкви. Депутат Сейма. Непримирымый антикоммунист, за что и был убит в 1934 г.

Каллистратов Мелетий Архип. (1896—1941). Род. в Двинске. Служил в отряде светл. кн. Ливена (см. ниже). Учитель. Депутат Сейма. В 1941 г. расстрелян во дворе Двинской тюрьмы.

Кнауф-Магнусофская Елиз. Авг. (1893—1942). Поэтесса, прозаик. Теософка. Работ. в ред. газ. «Слово», впечатления потом отразила в кн. «Зимние звезды». Ум. в Риж. доме престарелых.

Кривошапкин Мих. Дмитр. (1888—1943). Инженер. Активн. общ. деятель. Филистр корпор. «Фратернитас Арктика». Арестован и ум. в лагере.

Лебедев Сем. Харит. (1895—1943). Учитель. Офицер, уходил в Сибирь с Колчаком. Вернувшись в Латвию, вновь учительствовал, выпустил кн. стихов. Арестован и ум. в лагере.

Левин Габриэль (1891—1952). Род. в Риге. Журналист. Покончил с собой в лагере.

Левин (Лугин) Герасим Александр. (1900—1942?). Род. в Ливаве. Прозаик, поэт, переводчик. Погиб в заключении.

Ливен Анат. Павл. (1862—1937). Светлейший князь. В 1919 г. с созданным им отрядом помогал выбивать большевиков из Риги. Был тяжело ранен. Сотр. в газ. «Сегодня». Жил при некогда принадлеж. ему родовом имении Мезоттен, похоронен на бывш. фамильном кладбище.

Лишин Никол. Ник. (1899—1941). Бывш. морской офицер, автор кн. «На Каспийском море. Год белой борьбы» (Прага, 1938). Несколько лет жил в Китае. Вернувшись в Ригу, возглавлял сокольское движение. Арестован и расстрелян.

Махтус Герберт (1907—1941). Род. в Риге. Пост. сотр. газ. «Сегодня». Расстрелян немцами.

Махтус Эдгар-Арвед. (1903—1983). Род. в Риге. Пост. сотр. «Сегодня». Арестов. в 1941 г. и отправлен в лагерь. После освобожд. остался жить в Соликамске, где и умер.

Моссаковский Андриан Павл. (1871—1939). Директор «Ломоносовской гимназии» в Риге.

Новоселов Юрий Дмитр. (1873—1955). Географ, этнограф. Преп. разных риж. гимназий. Автор неск. кн. по истории края и учебников.

Нюренберг Серг. Марк. (1864—1933). Прис. повер. Отец Е. Булгаковой.

Остроухов Леонид Сем. (1868—1937). Брат изв. художника и искусствоведа Ильи Сем. О. Преп. риж. гимназий. Основатель русск. театра в Риге.

Павлов Фед. Сем. (1872—1933). Старообрядческий деятель. Журналист.

Перов Анат. Козьмич (1907—1977). Род. в Риге. Зав. отд. русской жизни в газ. «Сегодня». В 1940 г. арестован и 14 лет провел в лагерях и на поселении.

Перов Борис Козьмич (1910—1943). Актер Русской драмы. Расстрелян немцами.

Петров Влад. Мих. (1908—1943). «Ломоносовец». Оконч. юрид. фак-т Латв. ун-та. Шахматный гроссмейстер. Арестован в Москве в 1942 г. Ум. в Котласлагере.

Плотников Петр Осип. (1908—1945). Художник-прикладник. Опубл. кн. стихов. В 1941 г. арестован и погиб в лагере.

Преображенский Вас. Вас. (1897—1941). Магистр богословия в Пражском ун-те. Преп. риж. гимназий. Арестован в 1941 г. Погиб в Соликамлаге.

Роминский Ник. Родион. (1868—1943). Преп. рисования в «Ломоносовской гимназии». Прозаик. В 1939 г. покинул Латвию.

Сахаров Серг. Петр. (1880—1951). Учитель. Историк-краевед. Этнограф. Директор Лудзенской гимназии. Арестован и отправлен в лагерь.

Строк Оскар (Ошер) Давид. (1892—1975). Род. в Двинске. Известный эстр. композитор. В 20-х годах — издатель.

Тайлова Людм. Ив. (1851—1938). Директриса гимназии.

Тейтельбаум Изр. Адольф. (1901—1943). Род. в Риге. Пост. сотр. газ. «Сегодня». Арестован и расстрелян в Астрахани.

Терентьев Петр Ник. (1902—1944?). Инж.-химик. Поэт. Арестован в 1944 г. Дальн. судьба неизвестна.

Формаков Арс. Ив. (1900—1983). Педагог. Директор Двинской гимн. Ред. газ. «Двинский голос». Прозаик, поэт. В 1940 г. арестован и сослан.

Цивинский Серг. Ант. (1895—1941). Род. в Двинске. Бывш. офицер из семьи профес. военных. Художник, карикатурист в газ. «Сегодня». В 1940 г. арестован и увезен в Москву. Расстрелян.

Чиннов Иг. Влад. Род. в 1909 г. в Тукуме. Оконч. «Ломоносовскую гимназию». Поэт. Ныне проф., живет в США.

Шалфеев Бор. Никол. (1891—1935). Род. под Валкой. Журналист. Директор гимназии. Автор статей по истории Риги.

Эрн Фед. Александр. (1863—1926). Преп. риж. гимназий. В авг. 1919 г. был приглашен в кач. министра нар. просвещения в состав Сев.-Зап. пр-ва.

Наезжие

Арабажин Конст. Ив. (1855—1929). Проф. Гельсингф. ун-та. В Риге основат. и ректор Русских универс. курсов.

Белоцветов Никол. Алексеев. (1863—1935). Финансист. Глава страх. о-ва «Саламандра» и печатного а/о с тем же названием, выпускавш. газ. «Слово» и журн. «Перезвоны».

Белоцветов Ник. Ник. (1892—1950). Сын Н. А. Поэт, антрополог.

Бережанский Ник. Григ. (?—1935). Журналист. 1-й ред. газ. «Сегодня», затем газ. «Слово», вед. сотр. газ. «Новое слово» и журн. «Для вас». Фольклорист.

Богданов-Бельский Ник. Петр. (1868—1945). Известный художник-передвижник. Покинул Латвию в 1944. Ум. в Берлине.

Верховская Кира Андр. (1907—1980). Дочь изв. в Риге до войны инж.-путейца А. В. Верховского, расстрелянного в Петрограде в 1923 г. Сотр. «Сегодня» и журн. «Для вас».

Виноградов Серг. Арс. (1870—1938). Известный художник-передвижник. Академик.

Высотский Конст. Сем. (1863—1938). Художник-анималист.

Гадалин-Васильев Вас. Влад. (1890—1959). Журналист, сотр. разл. русских изданий, вплоть до газ. и журн. 1941—1944 гг. Был арест. в 1944 г. Вернулся в Ригу, где и умер.

Галич (Гончаренко) Юр. Ив. (1877—1940). Бывш. кавалерист, генерал. Поэт, романист. Долголетн. сотр. «Сегодня». Покончил с собой после вызова в НКВД.

Ганфман Максим Ипполит. (1872—1934). Бывш. ред. газ. «Речь». В Риге — главн. ред. газ. «Сегодня».

Грибовский Вяч. Мих. (1867—1924). Проф. гос. права.

Гроссен Генр. Ив. (1882—1974). Оконч. юрид. ф-т СПб. ун-та. До рев. помощник обер-секрет. в уголовно-кассац. департ. Сената. Ред. газ. при Сев.-Зап. пр-ве. Через Эстонию прибыл в Латвию. Сотр. в «Рижском курьере», «Вечернем Времени» и

«Слове». Потом учительствовал. Покинул Латвию в 1941 г. и поселился в Швейцарии.

Грузенберг Оскар Осип. (1865—1940). Изв. петерб. адвокат, участв. в «деле Бейлиса» и др. историч. процессах. В Риге ред. журн. «Закон и суд». Потом покинул Ригу и переехал в Париж.

Дидковский Макс. Мечисл. (1887—1954). Бывш. Ген. штаба подполковник. Книгоиздатель. Арестован в 1954 г. и ум. в Кра-славе.

Жаков Каллистрат Фалалеевич (1866—1926). Проф. философии.

Зуров Леонид Фед. (1902—1971). Ранен в боях под Петроградом во время действий Сев.-Зап. армии. В Риге оконч. «Ломоносовскую гимназию». Сotr. в газ. «Слово». Кн. «Кадет» и «Отчина». Был замечен Буниным и «выписан» им в Париж.

Карачевцев Серг. Вас. (1891—1942). Бывш. офицер. Книгоиздатель. Арестован и расстрелян.

Климов Евг. Евг. (1901—1990). Художник. Покинул Ригу в 1944 г. Жил и ум. в Канаде.

Климов Конст. Евг. (1896—1974). Пианист. Проф. Квебекского ун-та.

Клопотовский-Лери Влад. Влад. (1883—1944). Газетн. и эстрадн. поэт. Фельетонист. Долголетн. сотр. «Сегодня» и ред. ряда газ. 1941-44 гг.

Корнев Серг. Александр. (1883—?). В японской войне потерял ногу. Окончил Александровскую военно-юрид. академию. В 1917 г. чл. чрезв. комиссии по делам бывш. царских министров (вместе с А. Блоком). В Риге входил в редкол. газ. «Слово». Потом учительствовал. В 1939-40 гг. предс. Риж. русск. об-ва. Арестован и из-за инвалидности был отправлен на поселение в Узбекистан.

Король-Пурашевич Леонард Юлиан. (1876—после 1945). Бульварн. журналист, сотр. почти во всех риж. изданиях, человек крайне сомнительной репутации. Покинул Латвию в 1939 г.

Коссинский Влад. Андр. (1866—?). Проф. политэкономии.

Мельников Пав. Ив. (1857—1944). Бывш. реж. Мариинского театра. Театр. деятель в Риге.

Мильруд Мих. Сем. (1833—1942?). Бывш. сотр. «Русского слова», «Киевских откликов». В Риге ред. газ. «Сегодня». Арестован и погиб в лагере.

Минцлов Серг. Рудольф. (1870—1933). Библиофил, историк, романист.

Оречкин Бор. Сем. (1888—1943). Сотр. «Биржевых ведомостей», «Одесских новостей», «Южного слова». В Берлине ред. журн. «Русский эмигрант», чл. редкол. «Руля». В Риге сотр. газ. «Сегодня» и представит. ее в Литве. Погиб в каунасском гетто.

Пастухов Всев. Леон. (1896—1967). Петерб. приятель Георгия Иванова. В Риге пианист, учитель музыки.

Переферкович Наум Абр. (?—1940). Оконч. СПб. ун-т вместе с Марром. Сотр. «Русских ведомостей» и «Восхода». Автор

словаря синонимов (псевд. Н. Абрамов). В Риге преп. разн. гимназий.

Перфильев Александр Мих. (1895—1973). Сын кавал. генерала и сам кавал. офицер. В Риге — журнал. деятельн. самого широкого диапазона. Автор 3-х поэтических кн. Сотр. в рус. газетах при немецк. оккупации. Покинул Ригу в 1944 г. Работал на радиостанции «Свобода». Ум. в Мюнхене. Муж Ирины Сабуровой.

Пильский Петр Мосеевич (1881—1941). Литер. критик. В Риге пост. руков. лит. отд. «Сегодня». Автор кн. «Затуманившийся мир» и «Роман с театром», 1929. Перенес инсульт в 1940 г., был частично парализован, что спасло его от ареста. Ум. при немцах в дек. 1941 г.

Поляк Борис Юльевич (1889—?). Врач. Издатель газ. «Сегодня». Успел покинуть Латвию в 1939 г. Ум. в Нью-Йорке.

Ржевский Юрий Серг. (1901—1967). Сын предв. дворянства Рязанской губ. Оконч. Пражский ун-т, инж.-путеец. В Латвии с 1930 г. Изд. «Газеты для всех», рассчитанной гл. обр. на крестьянское население Латгалии. Ангажирован сов. органами. После войны учительствовал в провинции.

Сабурова (урожд. Кутитонская) Ирина Евг. (1907—1979). Жена А. Перфильева. Прозаик. Сотр. журн. «Для вас». Покинула Латвию в 1944 г. Автор романа о русской Риге «Корабли Старого города» (Мюнхен, 1973).

Синайский Вас. Ив. (1876—1949). Доктор права. Проф. Латв. ун-та, автор трудов по истории культуры. Покинул Латвию в 1944 г. Жил и ум. в Брюсселе.

Тихоницкий Елпидифор Мих. (1875—1942). Директор гимназии. Брат архиеп. Ницдского, позже первоиерарха Зап.-европ. епархии. Арестован в 1940 г. и ум. в Казахстане.

Третьяков Вик. Вас. (1888—1961). Поэт. Две кн. стихов и две кн. переводов из латышск. поэтов.

Харитон Бор. Осип. (1876—1941?). Сотр. газ. «Речь». Член коллегии «Дома литераторов». В 1922 г. выслан из СССР. В Риге ред. вып. «Сегодня вечером». Арестован и погиб в лагере.

Энгельгардт Бор. Александр. (1889—1962). Член Гос. думы. Командант Петрограда во время февр. рев. В Латвии земский деятель и спец. по коннозаводству. Мемуарист. Был арестован и сидел в лагере.

Юровский Юрий (Саруханов Георгий Ильич) (1894—1959). Ведущий актер Русской драмы.

Якоби Маврикий Петр. (1906—1938). Художник.

Якоби Ник. Петр. (1901—1947). Журналист. Покинул Ригу в 1939 г.

Якоби Петр Ник. (1876—1941). Правовед. До революции занимал высокие прокурор. посты. В Латвии работал над адаптацией российских кодексов к новым условиям. Ред. журн. «Закон и суд». Предс. Русского нац. союза. Арестован и ум. во время этапирования.

Завоевав свою независимость «штыком и гранатой», сражаясь последовательно с большевистскими войсками Стучки, с ландесвером, с германо-российскими силами (Бермондт-Авалов), с эстонцами и вновь с большевиками, латыши, естественно, не намеревались терпеть никаких вооруженных или политических организаций, имеющих целью реставрацию «единой неделимой России», даже обществ, открыто или скрыто выражающих монархические идеи. Поэтому никаких «боевых» организаций, сходных с теми, что существовали на Балканах или в Париже, здесь не было. Власти пристально следили даже за теми, кто мог поддерживать связи с нежелательными союзами или организациями диаспоры.

Достаточно характерен скандальный эпизод с П. Н. Милюковым, которому на его лекции юный В. Адеркас дал пощечину. Установив, что Адеркас действовал по наущению лиц монархического толка (А. Фехнер, В. Самойлов и др.), власти тут же выслали их из Латвии.¹⁶

Сосуществование национальностей в Латвии в целом было мирным, без открытых стычек. Но это не значит, что не было трений, а порой неприязненной отчужденности. В числе причин можно назвать две главных. Первую можно считать бедой русского кретьянства в Латгалии, это — нехватка пахотной земли. У латышского крестьянина в Курземе и Видземе пашни было в два раза больше, и это настраивало русских против латышей. Вторую же можно считать виной самого русского населения — низкая грамотность.

Мало того, что более 50 % взрослого крестьянского населения было неграмотно. Не совсем благополучно было положение и молодого поколения. В начале 30-х годов обязательную школу посещали: немцев — 100 %, латышей, евреев — 90 %, поляков — 80 %, русских же — 66 %.¹⁷

Что касается средней школы, то здесь положение было такое: на 1000 душ населения ее посещали: русских — 7, латышей — 12, немцев — 27, евреев — 39.¹⁸

Естественно, что разрыв в уровнях культуры вносил дух неприязни. Впрочем, дух этот чувствовался, как уже говорилось, и в самой русской среде, хотя бы в среде русского учительства. Как утверждал педагог Rogozinnikov: «В массе своей учительство средней школы — с высшим образованием. Учительство основной — без высшего. Отсюда обоюдоострая "классовая разница"».¹⁹

Требовались еще годы и годы, чтобы культурный уровень основной массы русских мог подтянуться. Русское учительство буквально из кожи лезло, чтобы свести этот разрыв к минимуму, привести в нормальное состояние «ниву, удобренную войной и революцией, взорванную внезапно хлынувшим непривычным демократизмом».²⁰

Но увы, эти годы не были отпущены. Вскоре прежнюю безграмотность с перспективой ее постепенного, но надежного устранения сменила скоростной выделки советская полуграмотность без видов замены ее на нечто лучшее.

Но это было потом. А пока что педагоги средних школ выпускали очень хорошо подготовленных воспитанников. В особенности традиционно называемая «Ломоносовская гимназия». Уровень преподавания и подготовки здесь был так высок, что почти все окончившие ее по праву занимали высокое место в обществе. Достаточно назвать такие имена, как профессор и поэт Игорь Чиннов, проф. Д. А. Левицкий, журналист Г. Гиршфельд — Анри Гри, гроссмейстер В. Петров, писатель Леонид Зуров, юрист и литературовед Б. В. Плюханов, журналист А. К. Перов, поэт Н. Истомина и др.

Высокий интеллектуальный уровень воспитанников средних школ объяснялся прежде всего тем, что упор здесь делался на знание русского языка в его широком культурном объеме. «Нам, русским, может быть, особенно важно выяснить и вырастить национальное сознание в себе самих и в наших детях. Пока мы были в положении господствующей народности, у нас, казалось, не хватало ни яркости национального сознания, ни остроты национального чувства: мы как будто опасались его проявления, чтобы не задеть, не обидеть наших сожителей других национальностей. Быть может, поэтому самая постановка вопроса о национальном воспитании была довольно осторожна и неопределенна. Теперь, в условиях меньшинственного существования, мы острее сознаем естественность и необходимость национального воспитания, и вместе с тем является желание выяснить прежде всего основы его.

Родной язык — вот первая основа национального воспитания».²¹

Что касается высшей школы, то для начала приведем несколько цифр. В университете учились:

1919/20 — 20 русских; 1924/25 — 109; 1929/30 — 171; 1934/35 — 241; 1936/37 — 188.

До 1936/37 г. университет окончили 130 русских. Из них 30 юристов, 24 врача, 13 инженеров-механиков, 11 инженеров, 10 химиков, 6 агрономов, 6 ветеринаров, 6 экономистов, 4 архитектора, 4 математика, 3 естественника, 3 зубных врача, 3 фармацевта, 3 филолога, 3 философа.

Всего в 1936/37 учебном году в высших учебных заведениях Латвии учились 256 русских. В университете — 188, в консерватории — 18, в академии художеств — 9, в частных коммерческих институтах — 41.²²

Деление на «коренных» и «пришлых» проявлялось и в студенческой среде. Так, перед съездом студентов стран с коренным русским населением положение рисовалось следующим образом: «<...> русское зарубежное студенчество не было однородным. Оно сразу же разделилось на 2 части: 1) эмигрантскую и 2) «подданных», т. е. граждан государств с коренным русским населением.

Русские студенты-«подданные» являются полноправными гражданами своего государства: они имеют право и обязаны активно участвовать в жизни своей страны...

Для «эмигрантов» русских студентов этих «местных» интересов нет или они существуют в слабой степени. Естественно, поэтому, что подобные «местные» интересы выделили часть зарубежного студенчества (подданных) из общей массы, создали особую идеологию, особую систему организации».²³

Помимо деления на основе уже знакомой нам «особой идеологии» существовало и деление на основе членства в организациях закрытого типа, т. е. в корпорациях «Фратернитас Арктика» и «Рутения», являвшихся реликтом довоенной поры.

Поскольку преподавание в Латвийском университете велось на государственном языке, а значительная часть русских им еще не владела, в самом начале 20-х годов по инициативе проф. Арабажина были созданы Русские университетские курсы, дававшие знания в объеме университетских. Преподавание вели А. В. Вейдеман, К. И. Арабажин, М. Я. Лазерсон и др. После смерти Арабажина курсы были преобразованы в Русский институт университетских знаний с факультетами: юридическим, историко-философским (4-летний курс) и коммерческо-экономическим (3-летний). Просуществовал Институт до

1938 г., когда был упразднен Ульманисом за диссонанс, вносимый в гармоническую картину Латышской Латвии.

Академическая среда в Риге была весьма представительна. Достаточно назвать имена только той профессуры, которая была связана с непосредственным преподаванием: проф. Б. Р. Брежго, проф. В. И. Буковский, прив.-доцент М. Д. Вайнтроб, докт. философии А. В. Вейдеман, докт. политэкономии Г. А. Енш, проф. Э. Э. Гартье, проф. В. Н. Клименко, проф. В. А. Коссинский, проф. А. Н. Круглевский, проф. Б. А. Попов, проф. Н. П. Попов, прив.-доцент В. В. Преображенский, проф. В. И. Синайский, доцент В. К. Трофимов, проф. И. Ф. Юпатов.

Но помимо них имелся еще ряд лиц с учеными званиями. Не удивительно, что с этой смешанной профессорско-студенческо-учительской средой охотно общались часто наезжавшие в Ригу Кизеветтер, Мякотин, Бердяев, Франк, Зеньковский, С. Гессен, Вышеславцев, Завадский, Алексеев, Степун и др.

...

Основным материалом для изучающего жизнь русского общества в Латвии является местная русская печать. Сначала бросается в глаза пестрота названий и направлений. Но потом оказывается, что картина геометрически проста: весь период существования независимой Латвии вместе с нею прошла и газета «Сегодня», являвшаяся русскоязычным экраном ее жизни. И в течение этих двадцати лет постоянно противостояли ей издания, претендующие быть «подлинно русскими» органами, по-настоящему защищающими интересы русских. Суть противостояния:

1) сплочение во имя национального духа, ради сохранения всего исторического прошлого, религии, идеалов, веры в неизбежное возвращение былой Руси;

2) сознание, что существовать предстоит именно в Латвии и что безопасность и благополучие каждого зависит от того, в какой мере он будет способствовать упрочению этой страны. И здесь сплочение возможно лишь на фундаменте русской культуры, русского языка, русского духовного багажа.

Газеты, отстаивающие непрременную «русскость», как правило, тяготели к идее Великой России, потому что от нее исходила эманация всего, чем надлежит поддерживать дух русского человека. При этом неизбежно прорезывалась нота «эмигрантского отчаяния» и желания посчи-

таться с неким виновником бедствия. Газеты «истинно русского духа» были обречены или на скорый провал или на некоторый период небогатого существования. Издатели как бы не учитывали, что в деревне неграмотными были свыше 50 % пятидесятилетних и 35 % — тридцатилетних и выше. Так что в массе своей они газеты не читали. А «истинно русского» городского читателя было недостаточно.

Приведем сведения длительности выхода местных русских газет.

- «Русская жизнь»: 25. 8. — 7. 11. 1920 г.
- «Свободная мысль»: 23. 11 — 3. 12. 1920.
- «Рижский курьер»: 25. 12. 1920. — 15. 5. 1924.
- «Маяк»: 26. 6. 1922. — 7. 6. 1923.
- «День»: 28. 8. — 30. 10. 1922.
- «Вечернее время»: 7. 3. 1924. — 9. 11. 1925.
- «Слово»: 11. 11. 1925. — 26. 5. 1929.
- «Народ»: 27. 4. — 2. 10. 1925.
- «Утро»: 14. 2. — 1. 3. 1925.
- «Новости»: 21. 3. — 30. 3. 1925.
- «Новый голос»: 16. 11. 1930. — 13. 3. 1932.
- «Наша газета»: 2. 4. 1930. — 20. 3. 1932.
- «Вечернее время»: 20. 7. — 30. 9. 1932.
- «Наше время»: 2. 10. — 3. 11. 1932.
- «Русский вестник»: 6. 11. — 20. 11. 1932.
- «Завтра»: 19. 10. 1933 — 13. 5. 1934.
- «Голос народа»: июль 1933 — 19. 10. 1935.
- «Газета для всех»: 19. 1. 1936. — 17. 3. 1940.

Иногда причисляют к «рижским» газетам и «Новый путь», газету, которую Л. Шкаренков назвал даже «сменовеховской», выходившей наряду с берлинской «Накануне».²⁴ «Новый путь» был газетой советского посольства в Риге и существовал с 1 февраля 1921 г. до марта 1922, т. е. еще до основания «Накануне», выходившей с марта 1922 до 15 июня 1924 г. Именно прикрыв «Новый путь» в Риге, советские функционеры перебрались в Берлин.

И только газета «Сегодня» непотопляемо следовала по волнам лет, переживая взлеты и падения вместе с Латвией и разделив в конце концов ее судьбу.

Чем же объясняется ее живучесть? Тем, что она правильно оценила потенциального читателя и постаралась завоевать его вне зависимости от паспорта и вероиспове-

дания. Она сделала ставку на читателя — русского, латыша, еврея, немца, литовца, — который окончил русскую гимназию, служил в российской армии, ходил в русский театр, связан был с Россией многими нитями, который хотел знать, что происходит в Латвии, Литве и Эстонии, чем живет Европа, какие виды ему сулит будущее, как живут русские в рассеянии, что пишут русские писатели, живущие в Праге и Париже. Т. е., газета с самого начала отказалась от приверженности к той или иной эмигрантской позиции: «Русская газета в Латвии не могла быть газетой русских "на чужбине"». ²⁵

Подводя итоги десятилетнему существованию газеты, М. Ганфман писал: «Являясь органом, последовательно стоящим на позиции государственности, «Сегодня», как газета меньшинственная, как газета русская, особенно подробно освещала все, что относится к жизни меньшинств, особенно русского и еврейского. Мы по возможности старались объединять разные течения русской общественности, не учитывать распрей и раздоров и избегать полемики.

Единство русской культуры мы считаем основой единства русского народа. Духовная стихия — то общее, что связывает все ветви русского народа независимо от границ, всех русских по происхождению и по культуре. . . ». ²⁶

И эту позицию газеты хорошо понимал П. Б. Струве, человек активно «эмигрантский». Он понимал, что особенность существования в «лимитрофах» неизбежно должна была породить газету именно такого плана: «Я с особым удовлетворением приветствую работу вашей газеты <...> Подлинное служение русской национальной культуре и притом в двух направлениях, на два фронта: пред лицом большевицкой противокультурности и пред лицом элементов, уже переставших принадлежать России. И в том, и в другом направлении и отношении вопросы культуры безусловно преобладают над всеми возможными политическими вопросами. Я могу спокойно писать об этом, ибо меня нельзя заподозрить в политическом безразличии». ²⁷

Оппоненты «Сегодня» добивались одной цели: «Поделившись на левых и правых, марксистов и республиканцев, эмигрантов и «рижан», русские в междоусобных войнах своих забыли, что у них по крайней мере до известного момента, имеются одни и те же цели, одни и

те же стремления, одинаково дорогие всем русским без исключения». ²⁸ Т. е. они хотели добиться невозможного — объединить республиканца и монархиста, державника и сепаратиста, православного и старообрядца, верующего и атеиста. А когда этого не получалось, то вина за это возлагалась на газету, печатающуюся на русском языке, но «абсолютно не-русскую, пытающуюся распилить русскую национальную идею». ²⁹

Но как бы то ни было, газета «Сегодня» создала платформу для общения — именно на почве культуры, предполагающей плюрализм мнений и убеждений. Декларировавшая свою позицию «вне эмигрантских схваток», газета предоставляла свои полосы для всех, кто что-то значил для русской истории и русской культуры. Здесь печатались Мережковский и Саша Черный, Струве и Ильин, Амфитеатров и Алданов, Изгоев и Тыркова-Вильямс, Пиленко и Ходасевич. Здесь встречались бывшая «Речь», «Биржевые ведомости», «Новое время» и «Киевская мысль». И это все при том, что газете все время приходилось втолковывать, что она не э м и г р а н т с к и й орган.

Вот письмо М. Мильруда к Лоло-Мунштейну от 11. 12. 1930 г.: «Вы упорно не хотите понять разницы между «Возрождением» и нами. «Возрождение» — эмигрантская газета, с которой официальная Франция абсолютно не считается. А у нас положение совсем другое. «Сегодня» газета латвийская, обязанная считаться с дипломатическими узусами и не имеющая права призывать к изгнанию дипломатических представителей, даже и советских». ³⁰

Явно или скрыто все оппоненты заявляли, что «Сегодня» газета не русская, а е в р е й с к а я , вкладывая в это утверждение кому что было угодно.

Уже известно, что вне зависимости от желания «истинно русских» доминировать, заняв круговую оборону от «иностранцев», сплошь и рядом русская культура в Зарубежье поддерживалась именно еврейскими кругами.

Вот и Зинаида Шаховская, описывая жизнь в Брюсселе, говорит: «Вечера устраивались почти всегда Клубом русских евреев — русская колония в Брюсселе, нечего греха таить, в общем была далека от литературы и круг ее интересов был ограничен». ³¹

Нечто подобное отмечалось и в Риге. В письме А. В. Амфитеатрову от 26. 3. 1935 г. М. Мильруд пишет: «А насчет Тель-Авива Вы, конечно, не правы. Если русская культу-

ра еще кое-как дышит на ладан, то только потому, что именно эта категория людей ее поддерживает. У нас есть здесь очень богатое русское купечество, но оно не читает русских книг, не ходит в русский театр, не интересуется русской музыкой и даже бойкотировало вечер, устроенный по случаю получения Буниным Нобелевской премии за то, что он печатается в «Современных записках» и «продался жидам». Если бы вы приехали сюда с лекцией, то, конечно, кроме Тель-авивцев никого на ней не встретили...».³²

Не совсем ясно представляющий местную обстановку Амфитеатров предлагал: «Если русское купечество ведет себя свински, то чего же вы, господа, молчите, не обличаете его? Пороли бы хорошенько по субботам, так были умнее, ходили бы как встрепанные. А то — за все годы, что я работаю в «Сегодня» не запомню ни одной статьи о русском рижском купечестве...».³³ Разумеется, что в случае такой «порки» газета окончательно была бы погребена под лавиной обвинений, что жида травят русского человека.

Как бы то ни было, все призывы создать «истинно русскую» газету оставались переходящими из года в год. «Русскости духа» было сколько угодно, но деловитости, как всегда, не хватало. Кроме того, все талантливое и квалифицированное почему-то уже собиралось в «еврейских» изданиях, а со второстепенными исполнителями, естественно, и результаты оказывались второстепенными.

К числу изданий, заслуживающих серьезного внимания, относится журнал «Закон и суд».

Русские юристы в Латвии составляли внушительную когорту: В. И. Буковский (1867—?). Доктор права. Сенатор.; Г. И. Гроссен (1882—1974). До револ. помощник обер-секретаря в уголовно-кассац. департаменте Сената; О. О. Грузенберг (1865—1940). Известн. адвокат, участв. в «деле Бейлиса». Сенатор.; П. М. Минц (1868—?). Проф. права; В. И. Синайский (1876—1949). Доктор права; И. С. Шабловский (?—1934). Присяж. повер.; П. Н. Якоби (1876—1941). Правовед. Бывш. нач. угол. отдел. мин-ва юстиции. Некоторые из них были привлечены латвийским правительством к законодательному творчеству, другие внимательно изучали процесс рецепции «русского

права» (по аналогии с продолжавшим существовать после падения Римской империи римским правом).

Инициативная группа русских юристов в Риге решила учредить нечто вроде Парламента правовой мысли, и для этой цели в 1929 году было создано Русское юридическое общество, а на его базе — журнал «Закон и суд». Журнал делался, в основном, П. Н. Якоби и хотя был безгонорарным, в нем охотно печатались юристы русского рассеяния, так что по материалам журнала можно составить представление о законодательной деятельности Латвии, Литвы, Эстонии и Польши. Не было оставлено без внимания и советское право. И, разумеется, нашли место проблемы, связанные с положением меньшинственного населения и беженцев.

В связи с тем, что режим Ульманиса устранил все «архитектурные излишества» на фасаде Идеального Латышского Устроения, в 1938 г. журнал был закрыт.

Обзор истории его завершался так: «При смене действующего в СССР бесправного режима, с переходом к принципам правового государства, русский законодатель найдет ценный материал в этом единственном за рубежом хранилище русской юридической традиции, где собрались труды по разработке русского права в новообразованных соседних с Россией государствах. В этом, в перспективе истории, значение нашего журнала».³⁴

* * *

С середины 20-х до половины 30-х годов русская Рига развила бурную книгоиздательскую деятельность. Отсутствие каких бы то ни было запретов (Латвия подписала Бернскую конвенцию только в 1937 году) создало обстановку «Дикого Запада». Пиратски перепечатывалось все — и советские книги, и романы Уоллеса, и оккультная литература, и романы Бебутовой, и произведения покойных, и произведения живущих авторов. Попытки действовать через суд оказывались безрезультатными. Достаточно назвать тщетное старание издательства Ульштейн осудить за контрафакцию рижских издателей, перепечатавших Ремарка.

Все дело в том, что издатели (Гудков, Карачевцев, Шерешевский, Строк и др.) были не настоящие, а квази-издатели: комиссионеры, мелкие дельцы, бывшие военные, бойкие газетчики, — все, кто быстро вычислил, что расходы могут быть только на бумагу и набор, а расчеты с

автором, переводчиком, корректором — лишнее. Поэтому рижские издания той поры вошли в историю как весьма одиозная книжная продукция — на скверной бумаге, скверной печати и скверной грамотности.

За 20 лет в Латвии было выпущено примерно 1200 книг. В целом вся эта продукция представляет интерес главным образом для историка и культуролога.³⁵

* * *

Картину жизни русских в те годы можно лишь сложить из фрагментов, только книга Ирины Сабуровой «Корабли Старого города» (Мюнхен, 1973) является чем-то цельным. По сути дела, это единственная книга о русской Риге на протяжении всех двадцати межвоенных лет. Роман этот содержит изрядную долю вымысла, но вымысел нанесен на реальную основу. В кратком слове к читателю Сабурова пишет: «О русских балтийцах, очевидно, некому больше рассказать, а ведь мы представляли собой исторический и политический курьез: русское население, коренное и пришлое (после революции) <...> оказалось на Западе, в «эмиграции», хотя и продолжало жить на своей родине. Будучи не иностранной колонией, как все остальные эмигранты, а национальным меньшинством с полной культурной автономией <...>, мы стали «эмигрантами» фактически только в 1944 году».

Книга передает атмосферу и образ чувствований русских рижан, главным образом артистической, полубогемной среды. За героями угадываются прототипы: Пильский, Перфильев, Антипов, семейство Якоби и др. Совсем недавно к книге Сабуровой прибавились воспоминания о русской Риге Генриха Гроссена, написанные им в Швейцарии, и напечатанные в журнале «Даугава» (1994, N 1/4).

* * *

Едва русское меньшинство успело прижиться и освоиться, как начался период «Латвии для латышей», вновь заставивший ощутить, что русские все-таки «эмигранты», даже и с латвийским паспортом.

Карлис Ульманис, покончивший с «демократическими перехлестами», незамедлительно приступил к вытеснению из жизни общества русского языка. Для этого правительство принялось сокращать количество русских школ, принуждая отдавать детей в смешанные школы с латышским языком обучения. Предпочтение при трудоустройстве от-

давалось латышам. Введена была предварительная цензура на русские издания (впрочем, латышским тоже пришлось испытать это).³⁶ Социал-демократов и либералов вытеснили чиновники, а там, где начинается всевластие чиновников, дышать становится трудно.

Разумеется, это не способствовало духу содружества, а влекло русских в лагерь глухой оппозиции и сослужило латышским властям дурную услугу в период давления и одновременно заигрывания советских сил, направленных на раскол общества и ослабление его. Нужно было изведать на себе весь ужас, принесенный советскими танками, чтобы понять, насколько пагубно было слепое желание «насолить» латышам за пережитое: «ведь нам-то, русским, от соединения с Россией плохо не будет». Оказалось, что плохо в равной мере и русским и латышам, потому что мясорубка, работающая по классово-идеологическому принципу, не смотрит на национальность, а перемалывает равно всех.

С утверждением в 1940 г. советской власти ликвидированы были общества, организации, корпорации и кружки, служившие объединению русских. Ликвидированы были почти все не только видные, но даже просто заметные общественные и культурные деятели, учителя и журналисты, священнослужители, поэты и даже шахматисты. Те, что уцелели за полтора года советской и три года немецкой оккупации, уходили из Латвии летом 1944 года.

Место сметенных с доски занимали в первую очередь чины сыскных и карательных органов, люди просто занесенные сюда приливами и отливами военной волны и чиновники советской выделки, направленные для создания и укрепления новых административных структур.

На этом страница была перевернута, и вся 20-летняя история бытования русских в Латвии уложилась в одну главу.

Правда, теперь история России как бы перелистнула назад страницы, и замелькали уже знакомые по литературе ситуации и образы. Опять невольная эмигрантская ситуация в Прибалтике — при новой терминологии: вместо «коренных» и «наезжих» — «граждане» и «оккупанты». И что же, опять будет «стоп-кадр» с сохранением жизни на сей раз уже советского обывателя, брошенного, подобно Даниилу, «в львиный ров» капитализма? Как писал Дон-

Аминадо: «Ничего никто не знает, в смысле будущего — тема. Но, конечно, все бывает при большой игре ума».

Однако, как бы ни поворачивался ход событий, спасительным будет не политическое противостояние, а прежде всего — стояние на культурной основе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Преображенский В. Воля к жизни русского меньшинства в Латвии // Русские в Латвии. — 1934. — Сб. 2. — С. 3.
- 2 В качестве примера см.: Нео-Сильвестр Г. <Гроссен Генрих>. На буреломе. — Франкфурт-на-Майне, 1971.
- 3 См.: Пирожкова В. Потерянное поколение // Голос За рубежом. — Мюнхен, 1988. — N 50.
- 4 Шаховская З. Отражения. — Париж, 1975. — С. 9 и 44.
- 5 Слово. — Рига, 1927. — N 541.
- 6 Новый голос. — Рига, 1931. — N 169.
- 7 Русский ежегодник на 1938 год. — С. 25.
- 8 Белкин Л. Русские газеты за пределами Сов. России. — Новый путь. — Рига, 1921. — N 31.
- 9 Ливен А. П. Поездка в Латгалию // Сегодня. — Рига, 1931. — N 198.
- 10 Слово. — 1926. — N 341.
- 11 Слово. — 1926. — N 46.
- 12 Оболенский В. Путевые наброски. Поездка по Прибалтике // Последние новости. — Париж, 1930. — N 3223.
- 13 Рижское слово. — 1918. — N 1.
- 14 Бордонос Н. Н. Русская общественность в Латвии. — Рига, 1922. — С. 7.
- 15 Там же. — С. 11.
- 16 Гусев Г., Пухляк О. Мечь монархиста // СМ сегодня. — 1993. — 27 февр. — N 44/45.
- 17 Тихоницкий Е. Образование среди русских в Латвии // Русские в Латвии. — 1933. — Сб. 1. — С. 89.
- 18 Тихоницкий Е. Русская школа в Латвии // Родная школа. — Режица, 1930. — N 1. — С. 6.
- 19 Рогозинников П. О текущем моменте и о всяческом сближении // Родная школа. — Режица, 1931. — N 4. — С. 25.
- 20 Там же.

- 21 Тихоницкий Е. Основы национального воспитания // Родная школа. — Режица, 1931. — N 5.
- 22 Русский ежегодник на 1940 год. — С. 33.
- 23 Русский студент. — 1931. — С. 2—3.
- 24 Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. — М., 1981. — С. 93.
- 25 Ганфман М. Внутренняя сила русской культуры // Русские в Латвии. — 1933. — Сб. 1. — С. 53.
- 26 Сегодня. — 1929. — N 270.
- 27 Сегодня. — 1929. — N 270.
- 28 Наша задача // Наше Слово. — 1929. — N 1.
- 29 Лукьянов А. Случайно // Народ. — 1925. — N 11.
- 30 Исторический архив Латвии. Ф. 3283. Оп. 1. Ед. хр. 1. — Л. 248.
- 31 Шаховская З. Отражения. — Париж, 1975. — С. 64.
- 32 Истор. архив Латвии. Ф. 3283. Ед. хр. 16. — Л. 19.
- 33 Там же. — Ед. хр. 17. — Л. 14.
- 34 Закон и суд. — 1938. — N 8.
- 35 Почти вся она зафиксирована в нашем библиографическом справочнике «Русское печатное слово в Латвии. 1917—1944» (Стэнфорд). См. также книгу Пахмус Т. «Russian Literature in the Baltic between the World Wars» (Columbus (Ohio), 1988).
- 36 Об этом см. статью Левицкого Д. А. «О положении русских в независимой Латвии» (Новый журнал. — 1980. — N 141).